

Евгения Потапова

СКАЗЫ «ДЕТСКОГО ТОНА» П. П. БАЖОВА: К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ «ДЕТСКОГО» В ТВОРЧЕСКОМ МЕТОДЕ ПИСАТЕЛЯ

Исследование посвящено проблеме границ детской литературы в сказовом творчестве П. П. Бажова (1879–1950). Автор статьи опирается на научные трактовки бажовских «сказов детского тона», сопоставляет их друг с другом, обозначая разницу в составе текстов, обычно относимых литературоведами к полю детской литературы. С опорой на эго-документы, публицистику писателя (в частности, текст «Д. Н. Мамин-Сибиряк как писатель для детей» 1913 г.), воспоминания современников, а также прижизненные издания сказов в статье рассматриваются критерии, согласно которым тот или иной текст П. П. Бажова мог быть отнесен к детской литературе самим писателем. Для реконструкции читательского восприятия в исследование вводятся критические тексты современников, в которых сказы воспринимаются как «сказки», а также материалы историко-литературной полемики о сказке и специфическом историзме детской литературы. Далее в статье выявляются авторские стратегии, применяемые писателем для конструирования «детского»: введение в текст дидактичной вопросно-ответной формы с заранее известным и читателю, и герою ответом, намеренный или вынужденный отказ героев сказа от даров «тайной силы» во время искушения, а также включение в структуру сказа мотива «неподъемности» богатства (как физически, так духовно).

Ключевые слова: П. П. Бажов, детская литература, сказы, русская литература XX в., Д. Н. Мамин-Сибиряк, эго-документы, дидактизм

Название нашей статьи на первый взгляд может показаться парадоксальным: многие читатели — взрослые и дети — воспринимают П. П. Бажова именно как детского писателя, «дедушкусказочника», такая трактовка его образа стала практически одним

Потапова Евгения Владимировна, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, jenni_p@mail.ru

из четко оформленных вариантов его биографии [Литовская 2014, 243]: неслучайно по сюжетам сказов создавались мультфильмы и диафильмы, тексты Бажова и сейчас включаются в школьную программу 5–6 классов, многие сказы (в которых, отметим, иногда нет ни одного героя-ребенка) адаптировались для детских театральных постановок¹ и, что интересно, иногда даже «подгонялись» под жанр «народной сказки». В качестве примера приведем издание «Золотые руки. Сборник сказок народов СССР о мастерстве и труде» 1948 г. [Золотые руки 1948], один из текстов в составе которого — «Каменная чаша» с подзаголовком «Русская сказка» — практически дублирует фабулу знаменитого бажовского сюжета о Даниле-мастере и каменном цветке². Закономерно возникает вопрос: о каком же разграничении «взрослых» и «детских» текстов применительно к творчеству П. П. Бажова тогда может идти речь?

Отвечая на этот вопрос, заметим, что у П. П. Бажова не было задачи четко разграничивать тексты на только «детские» и только «взрослые» — писатель скорее прагматично осознавал саму возможность прочтения определенных сказов детьми, и для такого рода текстов использовал формулировку «сказы детского тона» [см., напр., Бажов 2018, 417], более того, именно она позднее стала использоваться и литературоведами [Слобожанинова 1998]. Казалось бы, на этом можно и остановиться, раз в научной литературе такое разграничение уже прописано, однако единообразие трактовок отсутствует: в работе Л. М. Слобожаниновой к таким сказам относятся «Серебряное копытце», «Огневушка-Поскакушка» и «Синюшкин колодец» [Там же, 83], а в недавно вышедшем научном издании «Малахитовой шкатулки» — «Серебряное копытце», «Огневушка-поскакушка» и «Голубая змейка» [Жердев, Федотова 2019, 826].

Поскольку речь не идет про четкое деление на «детские» и «взрослые» тексты, исследовательский вопрос нашей статьи звучит следующим образом: какие творческие стратегии использовал П. П. Бажов при работе с текстами, которые потенциально могли быть расценены как тексты не только для взрослых, но и для детей? Думается, что для разрешения этой значимой для изучения творчества П. П. Бажова проблемы соотношения «детского» и «взрослого» кода в пространстве сказа требуется включение в исследовательский контекст дополнительных источников, репрезентирующих как точку зрения самого писателя (бажовская публицистика, эго-документы, воспоминания современников), так и закономерности историко-литературного процесса, повлиявшие на поэтику ска-

за (материалы литературной критики детской литературы эпохи 1920—1930 гг.).

Наше исследование строится вокруг способов конструирования «детского» сказа³ в рамках творческого метода П. П. Бажова в трех аспектах. Во-первых, мы рассмотрим высказывания П. П. Бажова о детской литературе в публицистике (статья «Д. Н. Мамин-Сибиряк как писатель для детей», 1913), эго-документах — письмах (в основном, к издателям и редакторам) и «рабочих записях»⁴ — и, наконец, в воспоминаниях редактора и издателя Бажова. На этом этапе мы определим ключевые особенности сказов «детского тона», которые сформулировал сам писатель. Второй этап нашей работы будет связан с непосредственным сопоставлением текстов «сказов детского тона», выделенных исследователями и самим Бажовым, с теми критериями «детского», о которых П. П. Бажов говорит в письмах и публицистике.

Задолго до начала писательской карьеры П. П. Бажов очень прагматично судил о статусе детской литературы и его динамике: «Одни говорят, что (детская литература — *Е. П.*) не нужна, что дети, даже младшего возраста, поймут произведения больших художников слова. Другие слишком сдвигают рамки детского чтения, преграждают детям доступ к общей литературе» — писал П. П. Бажов в статье «Мамин-Сибиряк как писатель для детей» [Бажов, 1913]. Неслучайно эти размышления находят свое воплощение именно в статье про Мамина-Сибиряка: преемственность между двумя авторами подкреплялась не только литературно, но и биографически — оба получали образование в Екатеринбургском духовном училище и Пермской духовной семинарии.

Статью П. П. Бажова о творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка можно назвать своеобразным обобщением тех приемов, которыми Мамин пользовался при создании «Аленушкиных сказок»: Бажов отмечает такие достоинства текстов, как «глубокое понимание детской психологии», «много движения», отсутствие крайностей («жизнь не прикрашивается ни в розовый, ни в черный цвет»), «правдивость», «любовное отношение к юному читателю» [Бажов 1913, 495—496]. Мы предполагаем, что во многом именно в этой работе, которая значительно предшествовала первым опытам Бажова в художественной литературе, кроется ключ к пониманию «механизма» создания подходящего, по мнению Бажова, для детей текста. После перечисления всех достоинств прозы Мамина-Сибиряка Бажов обращается к его автобиографической повести «Из далекого прошлого»: будущий писатель цитирует оттуда речь отца главного

героя (обратим внимание на то, что отец Мамина-Сибиряка был священником):

Как священник, отец, конечно, знал свой приход, особенно горе и бедность своей паствы. Эти постоянные разговоры о страданиях придавали общему складу нашей жизни немного печальный характер, и наша скромная обстановка казалась какой-то роскошью. Мне глубоко западали в душу слова, которыми отвечал обыкновенно отец, если я приставал к нему с требованием что-нибудь купить.

— *Ты сыт, одет, сидишь в тепле, а остальное прихвати* (курсив мой — Е. П.) [Бажов 1913, 499].

Думается, что приведенный фрагмент во многом лег в основу бажовских «сказов детского тона», их аксиологической системы и модели выстраивания сюжета — значимым элементом такого сказа становится либо осознанный отказ главного героя от богатств, либо такое стечение обстоятельств, при котором обогащение героя невозможно, а сама ситуация оценивается рассказчиком как положительная или нейтральная. Далее эта особенность будет рассмотрена при обращении к конкретным сказам, но прежде обратимся еще одному виду источника — эго-документам.

После статьи о Мамине-Сибиряке Бажов не перестанет рассуждать о детской литературе, и в более поздние годы размышления о текстах для детей найдут свое воплощение в письмах, неопубликованных «рабочих записях», а после и в воспоминаниях современников. Эпистолярное наследие писателя свидетельствует об особом, очень избирательном отношении писателя к детской литературе как к виду творчества, требующему не только особо таланта, но и глубокой писательской прагматики. Показательно в этом отношении одно из писем 1945 г. к Е. А. Пермяку — писателю и драматургу, с которым Бажова связывала не только постоянная переписка, но и крепкая дружба, длящаяся несколько десятилетий. Бажов открыто говорит адресату о страхе написать текст с эротическим подтекстом (который, по мнению Бажова, для детской литературы недопустим), поскольку его писательская репутация «сработает» против него и отнесет текст к списку для детского чтения:

Представляется вещь соблазнительной, а напишешь — ни два ни полтора. Вы вот спрашивали, что я за это время сделал, а мне и сказать нечего. Из того, что Вы не видели, наберется ли полтора-два листа.

Разве это темпы, особенно для тех, кому календарь показывает близкий отход. Да и не в количестве дело. Угнетает другое — все кажется каким-то посеребрившимся, приевшимся. При таком состоянии положительно боюсь приниматься за те вещи, где можно столкнуться с *образом посложнее, чем это обычно бывает в сказках* (здесь и далее курсив мой — Е. П.). Недавно хотел попытать себя в озорном роде. Не решился — *побоялся детского читателя*. Не умеем мы это делать так легко, как французы [Бажов 2018, 230]⁵.

Помимо рассуждений о свойствах детской литературы, о ее особом статусе, именно в письмах и воспоминаниях упоминается текст, который напрямую называется Бажовым «сказом детского тона» — сказ «Золотой волос» про дочь знаменитого Велико-го Полоза. В воспоминаниях одного из редакторов Свердловгиза⁶ К. В. Рождественской воспроизводится реплика Бажова, в которой он говорит о том, что «Золотой волос» «подходит для ребят» [Рождественская 1955, 188]. Поразительно, что именно этот сказ никогда исследователями творчества П. П. Бажова к «детским» сказам не относился, но при этом в письме⁷ к сотруднику детского издательства Марголину Бажов пишет об этом сказе так: «Замечания и отзывы такой библиотеки, как Ваша, мне особенно ценны, т. к. теперь занимаюсь подбором сказок „детского тона“, типа сказа „Золотой Волос“, который один из „Малахитовой шкатулки“ войдет в новую книжечку» [Бажов 2018, 119]. Показательно при этом, что Бажов называет текст «сказкой» — такая номинация, обычно расцениваемая как «ошибка» и в читательской, и в исследовательской среде, неслучайна: Бажов, по мнению М. А. Литовской, словно «сам подсказывает интерпретаторам своего творчества возможность превращения их в чтение для детей» [Литовская 2014, 243]. Тогда становится понятно, почему в письме 1950 г. к директору «Диафильма» А. К. Фадееву Бажов ставит «Золотой волос» в один ряд с другими «детскими» сказами: «Из других моих сказов чаще берут для младшего возраста „Огневушку-поскакушку“, „Голубую змейку“ и „Золотой волос“» [Бажов 2018, 626]. Более того, в этом же письме Бажов говорит и о сказках, которые, по его свидетельству, не рассчитаны на детей, но при этом активно к «детским» сказам причисляются: «Для цветных иллюстраций иногда берут „Синюшкин колодец“, „Медной горы Хозяйку“, даже „Каменный цветок“, хотя все эти сказы рассчитаны не на малышей» [Там же]. В этом письме мы можем четко увидеть, что, по мнению Бажова, отнесение того или иного сказа к разряду «детского» — не только авторская, но и читательская (даже в большей степени) интенция. Это под-

тверждается и критическими очерками современников Бажова — нередко в периодике можно было встретить статьи, в которых сказы Бажова называются сказками: «В этих старых сказках знание и мастерство рабочего человека окружены ореолом» [Перцов 1938, 3]; «В волшебный мир старых уральских сказок Бажов погружал живых русских людей» [Сурков 1949, 3], «Это настоящее литературное сокровище, впервые в мире прославившее в сказочной форме труд промышленного рабочего» [Полевой 1954, 2].

Сопоставление высказываний самого Бажова в пространстве эго-документов с прижизненными публикациями писателя позволяют нам говорить и о том, что представления писателя о круге сказов «детского тона» были динамичными — возможности «расширения» круга «сказов детского тона» не ограничиваются упоминанием «Золотого волоса».

Известно, что Бажов задумывал отдельный сборник сказов для детей под названием «Горные сказки» — эта книга вышла в 1942 г. (за 8 лет до написания письма директору «Диафильма», которое мы цитировали выше), но под названием «Ключ-камень» (номинация «Горные сказки» была вынесена в подзаголовок). В состав этого сборника вошли следующие сказы: «Ключ-камень», «Жабреев ходок», «Синюшкин колодец», «Золотой волос», «Травяная западён-ка», «Солнечный камень», «Огневушка-поскакушка», «Ермаковы лебеди», «Серебряное Копытце», «Таяткино зеркальце» [Бажов 1942]. В письме 1941 г. Бажов говорит о том, что сборник составлялся несколько раз и, что примечательно, на деле содержит только один сказ «детского тона»:

Этот сборник предполагался вначале как повторение в приспособленном для детей виде сказов преимущественно из «Малахитовой шкатулки», но потом по договоренности работа пошла по-иному, и весь сборник составлен заново (*из предполагавшихся 8 сказов в него вошел лишь один* (курсив мой — Е. П.), который и писался для этого цикла) [Бажов 2018, 136].

Возникает вопрос: о каком сказе в этом письме идет речь? «Серебряное копытце», «Огневушка-поскакушка», «Золотой волос» или какой-то еще? Думается, особый интерес в этом ракурсе представляет сказ «Синюшкин колодец» (который, напомним, Л. М. Слобожанинова относила к сказам, написанным для детей): в 1940 г. Бажов публикует этот сказ в альманахе «Уральский современник» с посвящением пионерам Зюзельского рудника (и именно по указанному признаку адресации Л. М. Слобожанинова относит

текст к «сказам детского тона»), в 1942 г. он включается Бажовым в тот самый «детский» сборник, а в 1950 г. писатель уже говорит о том, что сказ «не рассчитан для малышей» [Бажов 2018, 626].

Любопытно при этом, что такие разрозненные авторские оценки (пусть и косвенные) относительной принадлежности текста к детской литературе не мешают активно ставить сказ «Синюшкин колодец» (причем наряду с «Золотым волосом») в кукольных театрах Москвы, Курска и Свердловска и, следовательно, адаптировать для детской публики [Бажов 2018, 297]. Говоря об интерпретации драматической постановки для детей, Бажов не отходил от своей точки зрения относительно особой сложности творчества, главный адресат которого — ребенок. В письме к Е. А. Пермяку, который принимал участие в создании постановок по мотивам сказов, П. П. Бажов отмечал: «С одной стороны, ставить нечего, с другой — писать для детского театра нельзя. Слишком длинна предварительная стадия обсуждения со всех сторон и особенно в такой страшной, как педагогическая» [Бажов 2018, 287]. Интерес Баждова к драматургии, предназначенной для детей, виден и в неопубликованных «рабочих записях»:

Алёшкин праздник — дет. комедия в 4х сценах.

«Иванушка дурачек»⁸ и «чудесный подарок» — детская комедия в 4 сценах (сюжет по Андерсену).

Робинзон Крузо — дет. пьеса в 10 сценах. Тарзан — пьеса в 10 картинах [Бажов ОМПУ, 3—4].

Обратимся еще к одному тексту, который был включен в сборник «Ключ-камень» и который, судя по всему, вызывал у Баждова сомнения относительно возможной принадлежности к детской литературе — сказу «Ермаковы лебеди». В воспоминаниях К. В. Рождественской, которые мы приводили ранее, можно увидеть примечательные рассуждения писателя на тему того, почему «Ермаковых лебедей» не стоит включать в детский сборник, мемуаристка вспоминает фразу Баждова о том, что «„Ермаковы лебеди“ выходят реальными, без фантастики. Ребятам, пожалуй, не подойдет» [Рождественская 1955, 188]. В данном случае именно отсутствие тайной силы и явного эффекта «сказочности» становится если не причиной не относить текст к детской литературе, то, во всяком случае, элементом, который заставляет автора сказа подвергнуть это сомнению.

Если подводить промежуточный итог первой части нашего исследования о «сказах детского тона», можно обозначить два авторских критерия отнесения сказа к этой группе. Во-первых, это присутствие фантастических элементов, создающих сказочность. Во многом такая писательская стратегия была подготовлена масштабной дискуссией, развернувшейся на поле отечественной критики конца 1920-х гг. и, как убедительно доказал С. Ушакин, выходящей за пределы знаменитой «борьбы с чуковщиной» [Ушакин 2021]. Речь, главным образом, шла про функции жанра сказки в мире 1920-х гг. и специфику ее влияния на сознание ребенка (показательно, например, в этом отношении заглавие текста Эсфири Яновской — «Нужна ли сказка?» 1927 г. [Яновская 2021]). Ожесточенные споры критиков касаются вопросов (не)соответствия текста сказки действительности: одни выступают за то, чтобы всякий детский рассказ был «пролетарской правдой, протягивающей живые нити между общественным бытием и печатным словом» [Яновская 2021], за то, чтобы антропоморфизм не оказывался «педагогически вредной» формой [Флерина 2021]; другие же утверждают, применительно к сказке, что «избыточно жесткая точность способна резко отбросить ребенка от реальности, лишив его доминантного к ней отношения» [Залкинд 2021]. Дискуссии сходят на нет к середине 1930-х гг., и уже в 1936 г. из печати выходит статья Елизаветы Шабад и Евгения Лундберг «Детиздат и сказки», которую, как отмечает С. Ушакин, «можно считать своеобразным признанием окончательной и бесповоротной реабилитации сказки и фантастики в советской культуре» [Ушакин 2021]. Эта статья публикуется в «Литературной газете», в этом издании Бажов нередко будет публиковать сказы, которые он начал писать, что любопытно, как раз в 1936 г., когда были подведены итоги анти-сказочной кампании: «И вдруг все изменилось. Сказка победителем вступила в детский мир...» [Шабад, Лундберг 2021]. Думается, что именно этот фактор во многом определил судьбу бажовских сказов с фантастическими элементами — они стали восприниматься как детские не только благодаря «подсказкам» самого писателя (вспомним, что Бажов в письмах иногда называл сказы сказками), но и с изменением критерия «детского» в сознании читателей того времени.

Во-вторых, это осознанный или вынужденный отказ главного героя от «прихоти» в пользу умеренного достатка и скромного существования в качестве дидактического посыла (не исключено, что такая риторика была связана с религиозным образованием, полученным Бажовым, как и Маминым-Сибиряком, в Перм-

ской духовной семинарии). Также во многом появление такого явного дидактического элемента в сказках «детского тона» связано с историко-литературным контекстом восприятия роли прошлого в детской литературе. Когда в середине 1930-х гг. поэтика исторических разрывов и жесткое противопоставление «вчера» и «сегодня» сходит на нет и в детской литературе четко очерчивается интерес к преемственности [Ушакин 2023], наставление юному читателю, вынесенное в конец сказа, выглядит органичным: истории о том, «как было раньше», становятся ориентиром для модели поведения ребенка в настоящем. Сказ обретает отчасти притчевое начало, благодаря которому юный читатель с легкостью может соотносить себя с персонажем, и во многом такой ход связан и с дискуссией об историзме детской литературы. К примеру, в статье 1935 г. «За историческую повесть для детей» Петр Лысяков говорит о ключевом, на его взгляд, недостатке литературы для детей — ситуации, когда «герой заслоняет эпоху» [Лысяков 2023]. Отходя от этого канона, Бажов в тексте сказа, напротив, актуализирует для читателя мысль о том, что Даренка из «Серебряного копытца» или Федюнька из «Огневушки-поскакушки» ничем от юного читателя не отличаются.

Обратимся к сказам, которые исследователи обычно относят к текстам, предназначенным для детей, — «Серебряному копытцу», «Голубой змейке» и «Огневушке-Поскакушке». В финале каждого из сказов очень четко транслируется идея отказа от богатства — вынужденного или осознанного, своеобразной «прихоти», отрывок про которую цитировал Бажов в статье про Мамина-Сибиряка:

Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагрёб [Бажов 2019, 120].

Домой пришли оба с полнёхонькими кошельками, отдали свой песок и золотые плиточки семейным и рассказали, как голубая змейка веле-ла [Бажов 2019, 520].

Всё-таки дедко Ефим с Федюнькой хлебнули маленько из первого ков-шичка. Годов с пяток в достатке пожили.

Вспоминали Поскакушку.

— Ещё бы показалась разок! Ну, не случилось больше [Бажов 2019, 318].

Во многих сказках П. П. Бажова герои нередко подвергаются искушению, и обогащение — дар тайной силы — не становится для героя залогом счастья, скорее наоборот. Особенностью «сказов детского тона» в этом ключе становится то, что, читая их, ребенок чувствует явную дидактичную направленность финала не только благодаря развитию сюжета, но и благодаря определенным авторским ремаркам, в которых акцентируется сравнительный элемент: либо герой живет «не хуже, чем другие», либо богатство «проигрывает» чему-то более нравственно «весомому», либо обогащение оказывается сравнительно недолгим, но это не оценивается сказителем как нечто негативное. Иллюстрацией этого суждения становится еще один сказ — «Таяткино зеркальце» (1941): «Зато у Таятки зеркальце сохранилось. *Большого счастья оно не принесло, а всё-таки свою жизнь она не хуже других прожила*» (курсив мой — Е. П.) [Бажов 2019, 365]. В приведенных ранее текстах четко прописывается, как герой вынужденно или добровольно от «прихотей» отказывается и живет, как и Таятка, не хуже других: золотые плиточки, добытые Ланко и Лейко, не приносят такой радости, как известие о свадьбе Марьюшки («Голубая змейка»); Кокованя и Даренка получают совсем небольшое количество драгоценных камней («Серебряное копытце»); Ефиму и Федюньке из «Огневушки-Посакаушки» «не случилось больше» увидеть пляшущую девочку и, соответственно, с ее помощью найти золото («Огневушка-Посакаушка»).

В текстах «Золотой волос» и «Синюшкин колодец» отказ от богатств («прихотей») проявляется уже иначе, но при этом все равно присутствует — в этих сказках ведущим становится мотив *неподъемности* богатства обычным человеком — мысль, которую Бажов будет высказывать и в письме (предполагаемый год написания — 1940), которое адресует уральским ребятам по поводу «Малахитовой шкатулки»: «Вы вот и почитайте эти горные сказки про наши края в старинные времена. Как тут люди медь добывали, — веку не доживали, *золото рыли, — голосом выли*, дворцы да палаты украшали, а сами тех палат во сне не видали» [Бажов 2018, 132].

В «Золотом волосе» и «Синюшкином колодце» мотив *неподъемности* богатств подкрепляется еще одним важным элементом — вопросно-ответной формой внутри сказа, которая во многом способствует появлению в этих и других сказках «детского тона» так называемой «игры в искушение» [Жердев, Федотова 2019]. Ситуация искушения превращается в игру как для героя сказа, так и для читателя, поскольку вопросы, которые задает представитель тай-

ной силы, являются не частью испытания, как в волшебной сказке, а скорее способом подтверждения правоты героя и воплощения дидактической установки. Неслучайно лисичка с укором несколько раз спрашивает Айлыпа, ставя перед ним выбор либо в пользу материального богатства, либо в пользу любви: «Эх ты, скороум, скороум! Ты *золото добывать собрался* (здесь и далее курсив мой — Е. П.) али что?» [Бажов 2019, 219]; «Эх ты, Айлып скороумный! Тебе что надо: *косу али невесту?*» [Там же, 223]. Такая структура роднит некоторые сказы П. П. Бажова не только с архитектурной катехизиса, с которой Бажов, несомненно, был хорошо знаком, но и с приемами фольклорной сказки, к которой писатель проявлял интерес на протяжении всей жизни. В своих «рабочих записях», к примеру, Бажов нередко фиксирует выходные данные сборников сказок и трудов по фольклористике:

«Деревенская забавная старушка, по вечерам рассказывающая просто-народные веселые сказочки» М. 1804 г. [ОМПУ, НВФ 8848, ф. 2, оп. 3, д. 273, л. 22];

Костомаров Н. «Славянская мифология». Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Собрание настоящих русских сказок [Там же];

«Старичок — весельчак, рассказывающий древние московские были» М. 1790 г. [Там же].

Вопрос в данном случае воплощает иллюзию выбора, и ответ героя становится очевидным, и в вопросах лисички явно проступает дидактическая интенция. Бажов не просто так вводит в сказ деталь — постепенное физическое утяжеление косы Золотого волоса («Теперь и тебе *не в силу* будет ту косу поднять»): именно после фразы Айлыпа про то, что трудность испытания не является для него горем и самое важное — «невесту добыть», а не золото, невозможность владения богатством, невозможность поднять тяжелую косу Золотого волоса «снимается», поскольку это не становится целью главного героя.

По схожей модели строится и «Синюшкин колодец». Синюшка не раз предлагает Илюхе драгоценности:

В руках у этой девицы золотой поднос, а на нём груда всякого богатства. Песок золотой, камня дорогие, самородки чуть не по ковриге. Подходит эта девица к Илюхе и с поклоном подаёт ему поднос:

— Прими-ко, молодец!

Илья на прииске вырос, в золотовеске тоже бывал, знал, как его — золото-то — весят. Посмотрел на поднос и говорит старушонке:

— Для смеху это придумано. Ни одному человеку *не в силу* столько поднять.

— Не возьмёшь? — спрашивает старушонка.

— И не подумаю, — отвечает Илья.

— Ну, будь по-твоему! Другой подарок дам, — говорит старушонка.

И сейчас же той девицы — с золотым-то подносом — не стало. Из колодца опять синий столб выметнуло. Вышла другая девица. Ростом поменьше. Тоже красавица и наряжена по-купецки. В руках у этой девицы серебряный поднос, на нём груда богатства. Илья и от этого подноса отказался, говорит старушонке:

— *Не в силу* человеку столько поднять, да и не своими руками ты подаешь [Бажов 2019, 274].

Обратим внимание на то, что Бажов использует фразеологизм «не в силу» в двух значениях: с одной стороны, он четко прописывает биографические детали жизни главного героя, которые позволяют ему на глаз оценить вес золота («Синюшкин колодец»), но при этом сказовый сюжет позволяет сделать вывод о том, что неподъемность золота связана не только с его весом.

Схожая сюжетная ситуация воплощена и в «Тяюткином зеркальце»: мотив *неподъемности* богатства там выражен максимально буквально, физически — после восклицания заграничной барыни о том, что она «хозяйка», героев засыпает рудой. Более того, в этом сказе присутствует еще одна важная особенность детского бажовского текста: финал сказа (воспользуемся формулировкой самого Бажова) «не окрашен в розовый цвет», не говорит о безоблачном будущем главных героев, а лишь упоминает о том, что у них все сложилось «не хуже других». Точно так же нельзя назвать счастливым финал «Синюшкиного колодца» или «Золотого волоса», но это не мешает П. П. Бажову посвящать сказ пионерам или называть его детским в нескольких письмах к разным адресатам.

Следует обратиться к самому известному детскому бажовскому сказу — «Серебряному копытцу». «Это же у меня наиболее удачный сказ из детского раздела» — писал П. П. Бажов в письме к Оксане Дмитриевне Иваненко — писательнице и переводчику — в 1946 г. по поводу этого текста, так полюбившегося детям и взрослым. Однако к «удачному сказу» Бажов пришел не сразу — изначально у текста был иной финал, отказ от которого становится

объяснимым и понятным именно при рассмотрении с точки зрения мысли о *неподъемности* человеком больших богатств. Приведем первый вариант концовки, изложенный В. В. Блажесом:

Кокованя и Даренка, получив полшапки дорогих камней от Серебряного копытца, какое-то время живут благополучно. Потом «крепко занедужил» Кокованя, он уже совсем старый, «из сил выбился», Даренка «еще далеко до полного возраста не дошла», а камешки совсем на исходе. Девочка «повздыхала: как, дескать, дальше жить будем, когда последний камешек проедем». И сразу показалось, что «кошка фыркнула, ровно ей что не по нраву пришлось». Даренка созналась, что подумала о печальном, и дед укорил: нельзя печалиться да лениться. Только он это промолвил — «в сундучке, где камешки лежали, что-то зашуршало». Посмотрели — полный сундучок камней, много новых, в т. ч. кошачий глазок [Блажес 2007, 352–353].

Сопоставление этой концовки с финалами других «сказов детского тона» позволяет объяснить отказ Бажова от такого развития сюжета: сама логика развития сказа (подумал хорошо — получил драгоценные камни) противоречит установке о том, что человеку «не в силу» владеть большими богатствами, как это проявлено в итоговом варианте «Серебряного копытца» и других сказах.

Дидактичность «детских» сказов П. П. Бажова подтверждается тем, какую роль Бажов отводит оценочным суждениям относительно не только действий, но и мыслей персонажей, что также во многом может быть связано с учебой в Семинарии и работой с церковными текстами. Голубая змейка хвалит и награждает персонажей за то, что те «хорошо подумали»; коса Золотого волоса становится легче или тяжелее в зависимости от *мыслей* Айльпы, ведь герой получает похвалу Золотого волоса после правдивого рассказа о «чернявенькой» девушке; барыня из «Тяуткиного зеркальца» не совершает никаких активных действий, а лишь транслирует свою точку зрения и обосновывает ее («Хочу, чтоб это зеркало у меня стояло, потому как я хозяйка этой горы!» [Бажов 2019, 364]). Наконец, финал «Серебряного копытца» значительно видоизменяется, и автор, хоть и отказывается от эпизода с «неправильными мыслями» Даренки, не раз вводит в сказ известное всем со школьной скамьи «Пр-равильно говоришь, правильно» — фразу, которая наставляет не только героиню сказа, но и юного читателя.

Поводя итоги, следует обозначить, что «сказы детского тона» П. П. Бажова, думается, выходили за рамки текстов *о детях*, что

в первую очередь подтверждается высказываниями самого Бажова в письмах. Во многом структуру и риторику сказов для детей обусловило, во-первых, влияние Д. Н. Мамина-Сибиряка как писателя для детей и, во-вторых, историко-литературный контекст, затрагивающий как вопрос о статусе сказочного и фантастического в детской литературе, так и динамику отображения прошлого. Среди ключевых авторских стратегий конструирования «детского» текста нами были выделены следующие: четкое проговаривание малой роли дара тайной силы в жизни человека, акцент на отказе героя от излишеств и богатств в пользу существования «не хуже, чем у других»; отсюда введение мотива *неподъемности* богатства как физически, так и духовно; конструирование вопросно-ответной формы с очевидным и читателю, и герою ответом, и, наконец, явная установка на оценочность не только действий, но и мыслей героев — дети и взрослые в «сказах детского тона» получают похвалу тогда, когда «думают хорошо». Открытым остается вопрос о том, насколько образование, полученное писателем в Пермской духовной семинарии, повлияло на описанные элементы поэтики сказов, но это является вопросом отдельного исследования архивных документов и свидетельств.

Примечания

- ¹ См. подробнее о театральных постановках сказов П. П. Бажова: [Подлубнова 2014].
- ² Отметим, что данная адаптация «Каменного цветка» как «русской сказки» исключает любовную линию сказа.
- ³ Следует оговориться, что за пределы нашего исследования выходят тексты П. П. Бажова других жанров — например, «Зеленая кобылка», именуемая П. П. Бажовым в одном из писем «детской повестушкой» [Бажов 2018, 187].
- ⁴ Мы используем кавычки, поскольку сам Бажов никогда не называл свои записи таким образом — это исследовательская номинация, предложенная М. А. Литовской [Литовская 2021].
- ⁵ Здесь и далее письма Бажова цитируются по изданию 2018 г. [Бажов 2018].
- ⁶ Свердловское книжное издательство было основано в 1920 г. в Екатеринбурге как Уральское областное отделение Государственного издательства (Уралгосиздат). В 1934 г. переименовано в Свердловское книжное издательство.
- ⁷ Здесь и далее письма писателя цитируются по изданию 2018 г.: [Бажов 2018].

- ⁸ У Бажова слово «дурачек» в «рабочей» записи первоначально было написано через «о», но после буква была зачеркнута и «е» подписана сверху [Бажов ОМПУ, 3].

Литература

Источники

- Бажов ОМПУ* — Бажов П. П. Блокнот с черновыми записями. 1930-е гг. // Объединенный музей писателей Урала (ОМПУ). Номер по КП (ГИК): ОМПУ КП 25315. Ф. 2. Оп. 2. Д. 272. 15 л.
- Бажов ОМПУ* — Бажов П. П. Блокноты. 1940-е гг. — 1950 г. Номер по КП (ГИК): ОМПУ, НВФ 8848. Ф. 2. Оп. 3. Д. 273. 25 л.
- Бажов 1942* — Бажов П. П. Ключ-камень: горные сказки / рис. В. Таубера. Свердловск: ОГИЗ Свердловгиз, 1942.
- Бажов 1913* — Бажов П. П. Д. Н. Мамин-Сибиряк как писатель для детей // Екатеринбург. епарх. ведомости. 1913. 12 мая (№ 19). С. 493–500.
- Бажов 2019* — Бажов П. П. Малахитовая шкатулка: научное издание / ред. Д. В. Жердев, М. А. Литовская, Е. А. Федотова. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019.
- Бажов 2018* — Бажов П. П. Письма. 1911–1950 / сост. Григорьев Г. А., Григорьева Л. С. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018.
- Золотые руки 1948* — Золотые руки: сборник сказок народов СССР о мастерстве и труде / сост. Н. Колпакова. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы Минпросвещения РСФСР, 1948.
- Залкинд 2021* — Залкинд А. Реализм и предреализм в детской художественной литературе (1928) // Детские чтения. 2021. № 1(19). С. 94–95.
- Лысяков 2023* — Лысяков П. За историческую повесть для детей (1935) // Детские чтения. 2023. № 2(24). С. 46–56.
- Перцов 1938* — Перцов В. Сказки старого Урала // Литературная газета. 1938. 10 мая. С. 3.
- Полевой 1954* — Полевой Б. Советская литература для детей и юношества // Литературная газета 1954. 17 дек. С. 1–2.
- Сурков 1949* — Сурков А. Уральский волшебник // Литературная газета 1949. 20 янв. С. 3.
- Флерина 2021* — Флерина Е. Антропоморфизм в литературе для школьника (1928) // Детские чтения. 2021. № 1(19). С. 92–93.
- Шабад, Лундберг 2021* — Шабад Е., Лундберг Е. Детиздат и сказка (1936) // Детские чтения. 2021. № 1(19). С. 104–108.

Яновская 2021 — Яновская Э. Нужна ли сказка? (1927) // Детские чтения. 2021. № 1 (19). С. 77–91.

Исследования

Блажес 2007 — Блажес В. В. «Серебряное копытце», сказ // Бажовская энциклопедия. Екатеринбург: ИД «Сократ»; Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 352–353.

Жердев, Федотова 2019 — Жердев Д. В., Федотова Е. А. Малахитовая шкатулка: текстология // Малахитовая шкатулка: научное издание. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 819–837.

Литовская 2014 — Литовская М. А. Взрослый детский писатель Павел Бажов: конфликт редактур // Детские чтения. 2014. № 2(6). С. 243–254. <https://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/141>.

Литовская 2021 — Литовская М. А. Письма и «рабочие записи» П. П. Бажова: меняет ли «вброс» эго-текстов легендарную биографию писателя? // Эго-документы: Россия первой половины XX века межисточниковых диалогах: [коллективная монография] / под ред. М. А. Литовской, Н. В. Суржиковой; Институт истории и археологии УрО РАН. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 119–143.

Подлубнова 2014 — Подлубнова Ю. С. Переложения сказов П. П. Бажова для детского театра (конец 1930-х — 1940-е гг.): особенности художественных трансформаций // П. П. Бажов в меняющемся мире. Екатеринбург: Объединенный музей писателей Урала, 2014. С. 110–122.

Рождественская 1955 — Рождественская К. В. Воспоминания о Бажове. Малахитовая шкатулка. // Павел Петрович Бажов: сборник статей и воспоминаний / сост. К. В. Рождественская. Молотов: Молотовское книжное издательство, 1955. С. 173–225.

Слобожанинова 1998 — Слобожанинова Л. М. Сказы «детского тона» // Слобожанинова Л. М. Малахитовая шкатулка в литературе 30–40-х гг. Екатеринбург: ИД «Сократ», 1998. С. 83–99.

Ушакин 2023 — Ушакин С. А. Вчера и сегодня: о литературной обработке прошлого // Детские чтения. 2023. № 2 (24). С. 9–34. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-2-24-9-34.

Ушакин 2021 — Ушакин С. А. Сказка? Ложь? Намек? Урок? Окололитературные дебаты о (бес)полезности одного жанра // Детские чтения. № 1 (19). С. 9–43. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-1-19-8-43.

References

Blazhes 2007 — Blazhes, V. (2007). “Serebryanoye kopyttse”, skaz [“The Silver Hoof,” a tale]. In V. V. Blazhes, M. A. Litovskaya (Eds.), *Bazhovskaya entsik-*

lopediya [Bazhov Encyclopedia] (pp. 352–353). Ekaterinburg: ID “Sokrat”, Izd-vo Ural. un-ta.

Litovskaya 2014 — Litovskaya, M. (2014). Vzroslyy detskiy pisatel’ Pavel Bazhov: konflikt redaktur [Adult children’s writer Pavel Bazhov: the conflict of editorializing]. *Detskie chtenia*, 2(6), 243–254. Retrieved from: <https://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/141>.

Litovskaya 2021 — Litovskaya, M. (2021). Pis’ma i “rabochiye zapisi” P. P. Bazhova: menyayet li “vbros” ego-tekstov legendirovannuyu biografiyu pisatelya? [P. P. Bazhov’s letters and “working notes”: does the “throw-in” of ego-texts change the legendary biography of the writer?]. In M. A. Litovskaya, N. V. Surzhikova (Eds.), *Ego-dokumenty: Rossiya pervoy poloviny XX veka v mezhistochnikovykh dialogakh* [Ego-documents: Russia in the First Half of the Twentieth Century in Inter-source Dialogues] (pp. 119–143). Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.

Oushakine 2023 — Oushakine, S. (2023). Vchera i segodnya: o literaturnoy obrabotke proshlogo [Yesterday and today: on the literary treatment of history]. *Detskie chtenia*, 2(24), 9–34. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-2-24-9-34.

Oushakine 2021 — Oushakine, S. (2021). Skazka? Lozh’? Namek? Urok? Okololiteraturnyye debaty o (bes)poleznosti odnogo zhanra [A tale? A lie? A lesson? On some quasi-literary debates about the (lack of) usefulness of a genre]. *Detskie chtenia*, 1(19), 9–43. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-1-19-8-43.

Podlubnova 2014 — Podlubnova, Yu. (2014). Perelozheniya skazov P. P. Bazhova dlya detskogo teatra (konets 1930-kh—1940-e gg.) [Arrangements of P. P. Bazhov’s tales for children’s theater (late 1930s–1940s)]. In Ye. A. Kislova, M. A. Litovskaya, L. V. Mashtakova, V. B. Koroleva (Eds.), P. P. Bazhov v menyayushchemsya mire [P. P. Bazhov in a changing world. Ekaterinburg] (pp. 110–122). Ekaterinburg: Obyedinennyy muzey pisatelye Urala.

Rozhdestvenskaya 1955 — Rozhdestvenskaya, K (1955). Vospominaniya o Bazhove. Malakhitovaya shkatulka [Memories about Bazhov. Malachite casket]. In K. V. Rozhdestvenskaya (Ed.), Pavel Petrovich Bazhov: sbornik statey i vospominaniy [Pavel Petrovich Bazhov: collection of articles and memoirs] (pp. 173–225). Molotov: Molotovskoye knizhnoye izdatel’stvo.

Slobozhaninova 1998 — Slobozhaninova, L. (1998). Skazy “detskogo tona”. In L. M. Slobozhaninova (Ed.), *Malakhitovaya shkatulka v literature 30—40-kh gg.* [Malachite casket in the literature of the 30-40s] (pp. 83–99). Ekaterinburg: ID “Sokrat”.

Zherdev, Fedotova 2019 — Zherdev, D., Fedotova, Y. (2019). Malakhitovaya shkatulka: tekstologiya [The Malachite Casket: a textology]. In D. V. Zherdev, M. A. Litovskaya, E. A. Fedotova (Eds.), *Malakhitovaya shkatulka: nauchnoye izdaniye* [Malachite casket: scientific edition] (pp. 819–837). Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.

Evgeniia Potapova

Ural Federal University (Scientific and Educational Center “Digital Humanities”); the Institute of History and Archaeology (Center for Literary History), Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-5200-508X

SKAZY BY PAVEL BAZHOV: ON THE QUESTION OF THE CRITERIA OF *CHILDISH* IN THE CREATIVE METHOD OF THE WRITER

The research is devoted to the question of the boundaries of children’s literature in Pavel P. Bazhov’s tales (*skaz*). The author of the article provides scholarly interpretations of Bazhov’s “tales of childish tone” and compares them, highlighting differences in the composition of texts typically classified by literary critics to as part of children’s literature. Relying on the writer’s ego-documents, journalistic works (in particular, the 1913 text *Dmitry Mamin-Sibiryak as a Writer for Children*), the memoirs of contemporaries and lifetime publications of tales (*skaz*). The article investigates Bazhov’s own criteria for classifying specific tales as children’s literature. To reconstruct the reader’s perception, the study includes critical texts of contemporaries, in which Bazhov’s tales (*skaz*) are perceived as “fairy tales”, as well as materials of historical and literary polemics about the fairy tale and the specific historicism of children’s literature. The article further explores the author’s strategies employed by Bazhov in constructing the “childish” tone of these tales: introduction of didactic question-and-answer form, where the answer is already known both to the reader and the protagonist; the deliberate or forced rejection by the characters of the story of the gifts of “secret powers” offered during moments of temptation: and also incorporation of the motif of the *unliftability* of wealth (both physically and spiritually) into the narrative structure.

Keywords: Pavel Bazhov, children’s literature, *skazy*, Russian literature of the 20th century, Dmitry Mamin-Sibiryak, ego-documents, didacticism